

Столкновение культур и идентичности. Социологические аспекты мультикультурализма в эпоху общественных перемен

М. Бодзяны

аспирант института социологии Вроцлавского университета, преподаватель
Высшей офицерской школы сухопутных войск г. Вроцлав

XXI в. называют веком глобализации и мультикультурализма. Массовые миграции, интеграционные изменения политических систем превращают современный мир в «глобальную деревню». Подобное положение вещей создает условия для культурной диффузии и тем самым создает благоприятные возможности для знакомства с другими культурами.

В статье затрагиваются различные аспекты, связанные с развитием теории мультикультурализма и трудностями трактовки этого феномена. Вне всякого сомнения, мультикультурализм с его терпимостью к разнообразию мира — по крайней мере, теоретической — относится к сфере демократии. Он становится неотъемлемой составляющей современного общества, черпающего силы для своего развития в достижениях других культур, что, в свою очередь, становится возможным благодаря культурной диффузии, которой способствует складывающаяся в последнее время тенденция к открытию границ.

Ключевые слова: мультикультурализм, межкультурная коммуникация, культурный контакт, диффузия культур, культурная ассимиляция, этническая дистанция, толерантность, предубеждения, стереотипы, национальный шовинизм, национальная мания величия, этноцентризм, этническая стратификация.

Столкновение культур оказалось весьма непростым делом. Людям чрезвычайно трудно отказаться от своей культуры и адаптироваться к другой, новой. Столкновение культур обычно приводит к конфликтам и противостоянию. Люди хотят сохранить свои корни и свою идентичность даже после смены места жительства.

Рышард Капусцинский

Это высказывание Рышарда Капусцинского является отправной точкой в обсуждении социальных аспектов мультикультурализма, проистекающих из феномена глобализации, поскольку отражает подлинную реальность нашего времени — динамичного, изменчивого, полного опасностей. Нынешний XXI в. часто называют *веком мультикультурализма*: соприкосновение, диалог, столкновение культур, их взаимодействие и, как следствие, необходимость сосуществования в одной стране [2, с. 40].

Мультикультурализм — феномен, соизмеримый с историей цивилизации. На протяжении многих веков его развитие шло бок о бок с прогрессивными социальными переменами. В литературе можно найти множество трактовок мультикультурализма, или, как его еще часто называют, культурного плюрализма, или транскультурализма. Тем не менее основной смысл этого понятия остается приблизительно одним и тем же, независимо от формулировки. Особого внимания заслуживает подход П. Штомпки: он рассматривает мультикультурализм в двух аспектах. Во-первых, как «многообразие культур, успешных с точки зрения исторической оценки и сосуществую-

щих на сегодняшний момент» [28, с. 255]. Во-вторых, как идеологическую позицию, подразумевающую право разных обществ на свой собственный образ жизни и поддерживающую тезис об абсолютном равенстве всех культур [там же]. Мультикультурализм также трактуется в контексте культурного многообразия, означающего принятие и уважение индивидуальных черт и уникальности каждой культуры. Речь идет о демократическом сосуществовании как отдельных людей, так и групп, обладающих определенной этнической идентичностью, собственными ценностями и традициями.

Идея мультикультурализма возникла всего лишь в 80-е гг. XX в., однако ее истоки можно проследить и раньше: к примеру, в 1915 г. американский философ Хорас Каллен впервые ввел понятие «культурный плюрализм» [26, с. 21]. Подход Каллена основывался на его наблюдениях за иммигрантами, которые, подвергаясь культурной ассимиляции, все-таки сохраняли целый ряд качеств, присущих их собственной культуре. Все эти аспекты, связанные с миграцией людей — политические, образовательные или когнитивные, — стали отправ-

ной точкой в современном исследовании мультикультурализма [18, с. 32]. Теория «политики признания» (*policy of appreciation*), предложенная Чарльзом Тейлором, также заслуживает внимания. Согласно этой теории, личность человека формируется под влиянием диалогов и взаимодействий с социальной и культурной средой. Тейлор утверждает, что «должное признание не только выражает уважение, которого люди заслуживают, но и является прежде всего базовой человеческой потребностью» [26, с. 24–25]. Тейлор рассматривает два типа политических установок, конфликтующих друг с другом: первый тип ставит во главу угла равное достоинство и права личности, в то время как другой тип делает акцент на различиях идентичностей и групп. Подобный дуализм отражает парадоксальность понимания мультикультурализма: с одной стороны, Тейлор указывает на идеалы равенства и толерантного отношения к разным культурам, а с другой — утверждает, что признание культурного равенства невозможно, поскольку ведет к конфликтам и противостоянию. Уилл Кимлик предлагает похожий подход к мультикультурализму. Он рассматривает уважение к другим культурам в контексте истории народа и компенсации за несправедливое отношение к той или иной нации. Согласно Кимлику, мультикультурализм позволяет людям публично идентифицировать себя со своей этнической группой и сохранять свою национальную идентичность [там же].

Идея мультикультурализма сама по себе приобрела некоторую неоднозначность. С одной стороны, она по-прежнему характеризует определенный тип социального статуса в обществе, фактический или идеальный [13, с. 6]. С другой стороны, термином «мультикультурализм» также обозначают проект в области социальной политики, принятый и одобренный государством. Подобное *status quo* подразумевает намеренное и сознательное выстраивание неоднородного, смешанного общества и, как следствие, отдаление от этнической гомогенизации. Мультикультурализм как социокультурный феномен реализуется в рамках территориально-государственного механизма различных систем или через систему норм и ценностей [3, с. 12].

Если принять во внимание территориальный аспект мультикультурализма, его связь с феноменом миграции становится очевидной. Миграция населения выступает той мотивирующей силой, которая лежит в основе межкультурных контактов в эпоху социальных перемен и глобализации. Изабела Яруга-Новацка полагает, что современная миграция является естественным процессом. Она приводит слова Рышарда Капусцинского, который говорит, что «в конце 20 века мы вошли в третью фазу — фазу деколонизации Третьего Мира, который ищет — и находит — свои корни и свою идентичность, столь отличные от наших» [12, с. 15]. Этот процесс связан и с растущим уровнем самосознания в этнических группах. Эти группы, еще совсем недавно отвергаемые и притесняемые, находятся в активном поиске собственной культурной идентичности.

Основанный на принципах сосуществования различных ценностей и традиций в рамках одного государства, мультикультурализм обретает более широкий смысл и настраивает на более глубокие раздумья [24]. Он подталкивает нас к пониманию и принятию всего разнообразия мира, к избавлению от глубоко укоренившихся исторических преубеждений и стереотипов и, что еще более важно, дает возможность заглянуть в чужую культуру, в иные системы ценностей, ознакомиться с иными традициями и т. п. Мультикультурализм также подразумевает самоуважение и уважение по отношению к другим культурам, нивелирующее описанное З. Бауманом разделение на «Мы» и «Они». Подобное разделение противопоставляет представителей «родной» культуры представителям «чужой» [2, с. 44–48]. Таким образом, принятие чужой культуры означает проявление уважения по отношению к ней. Как пишет М. Ратайжик, осмысление своего собственного поведения — ключ к уважению многообразия и непохожести [10, с. 7]. Не менее важно осознавать, что знакомство с другими культурами есть одновременно и размышление о сущности своей собственной культуры [9, с. 7]. Понимание культуры других народов, таким образом, определяется глубиной осознания человеком своей собственной культуры и широтой имеющихся у него познаний о другой культуре.

Знание принципов культурного релятивизма и следование этим принципам обеспечивают теоретический фундамент для понимания характерных черт и особенностей других культур. Что такое культурный релятивизм? Одно из определений звучит как «абстрагирование от собственных глубоко укоренившихся культурных представлений и оценивание ситуации на основании принципов другой культуры» [7, с. 49–50]. Культурный релятивизм затрагивает прежде всего социальную сферу с ее дилеммой примирения наших собственных взглядов и убеждений с культурой другого народа.

Культурный релятивизм выступает также и как методологическое правило, согласно которому «человек, наблюдающий и описывающий некую культуру, опирается на точку зрения представителей этой культуры» [13, с. 84]. Этот прием помогает устранить различные предрассудки касательно других культур и способствует выработке толерантности, необходимой для обеспечения нормального существования человека в больших и малых социальных группах, микро- и макроструктурах.

Основным детерминантом возникновения мультикультурализма является феномен культурной диффузии, отчетливо прослеживающийся в самые разные моменты на протяжении многих веков. Культурная диффузия — это «поток культурных элементов или целых групп культурных конфигураций, проходящий сквозь различные культуры» [28, с. 255]. С самых ранних дней человечества в роли пускового механизма культурной диффузии выступали *культурные встречи* (*cultural meetings*). Е. Микуловски-Поморски описывает их как ситуации, в которых представители разных культур контактируют друг с другом, не имея при

этом намерения присоединиться к той или иной культуре [19, с. 46]. В противоположность им, культурные контакты (*cultural contacts*) означают «взаимодействие и социальные отношения между группами людей, живущих в различных культурах» [28, с. 254]. Оба явления сопровождаются межкультурной коммуникацией, которая может принимать самые разные формы, как вербальные, так и невербальные. Культурные встречи и культурные контакты являют собой образцы всех тех культурных взаимодействий, следы которых уходят глубоко в историю цивилизации. Они — следствие множества факторов, среди которых на передний план выходит миграция этнических групп, осуществляемая в целях поиска новых, более комфортных условий существования. Диффузия культур довольно часто наблюдается именно в подобных ситуациях, и эта диффузия непреднамеренная, не имеющая в своей основе осознанного стремления к социализации. Процесс социализации в данном контексте определяется как «основной канал передачи культуры между поколениями во все времена» [7, с. 50].

Хотя процесс социализации обычно сопряжен с процессом адаптации человека к новой культурной среде, важно подчеркнуть, что он также может происходить случайно, в ходе культурных встреч и контактов. У первобытных людей подобные межкультурные встречи и контакты принимали различные формы и происходили в разных ситуациях: иногда это был обмен товарами, а иногда — подлинный интерес к другим культурам. Однако чаще всего людьми двигало стремление захватить власть над другими народами, и тогда межкультурные контакты принимали радикальные формы. Культурные конфликты, основанные на агрессии, никогда не были редкостью; согласно Дж. Х. Тёрнеру, они всегда возникают как результат дифференциации культур, сосуществующих в пестром мире [29, с. 49]. П. Штомпка рассматривает конфликт культур как «антипатию, вражду или борьбу между контактирующими группами, различия в образе жизни которых диктуются их собственными культурами» [28, с. 254].

Культурные конфликты — сфера, имеющая отношение не только к первобытным племенам, но и к истории цивилизации в целом. Согласно Дж. Кэмпбеллу, американскому специалисту в области сравнительной мифологии, «история изобилует примерами войн между представителями разных культур (...), а мифы неизменно превозносят и прославляют войну» [11, с. 302–303]. Независимо от исторического времени, там, где происходили межкультурные контакты и встречи, одновременно рождались и культурные конфликты.

Однако далеко не всегда одно сопутствует другому: позитивные последствия подобных контактов также обширны. Культуры могут интегрироваться на уровне как отдельных своих представителей, так и целых этнических групп. Такая интеграция, особенно заметная там, где этнические группы территориально граничат друг с другом, носит торговый или военный характер и способствует экономичес-

кому развитию и укреплению безопасности в случае вооруженного нападения со стороны других народов.

Интеграции сопутствует феномен культурной ассимиляции, который в какой-то мере тождествен процессу культурной социализации, но по сути является более сложным, так как происходит в несколько этапов. Для его осуществления необходимо, чтобы выполнялись сразу несколько условий. Е. Микуловски-Поморски ссылается на подход М. Гордона и его описание этих условий: первое условие — аккультурация, т. е. перенимание образцов ассимилируемой культуры представителем ассимилирующей культуры; второе условие — структурная ассимиляция, т. е. проникновение представителей одной культуры в другую; третье условие — ассимиляция идентичности, т. е. развитие чувства принадлежности к новой культуре [19, с. 48]. Таким образом, процесс ассимиляции можно считать полным при выполнении всех вышеназванных условий, т. е. при прохождении всех стадий. Стоит, однако, отметить, что полная ассимиляция подразумевает не краткосрочные интеграционные процессы, а длительную интеграцию, затрагивающую порой два поколения. Обычно на уровне одного поколения проходит аккультурация, первая стадия ассимиляции.

Одним из феноменов, возникающих наравне с культурной диффузией, является культурный шок, определяемый как «ощущение дезориентации, крушения привычных норм, ценностей и представлений о социальной действительности, возникающее у человека в ходе его контакта с другой культурой» [22, с. 186]. Переживание культурного шока обнажает перед человеком скрытые предпосылки и устои его собственной культуры, усвоенные им в процессе социализации, и помогает ему глубже познать ее. Похожая теория была выдвинута Г. Хофстедом, рассматривавшим культурный шок не как стадию ассимиляции, а как стадию аккультурации. В качестве доказательства своего утверждения он использует схему так называемой *кривой аккультурации*, которая делит процесс аккультурации на четыре стадии: первая — эйфория, вторая — культурный шок, третья — адаптация и четвертая — состояние равновесия [11, с. 305]. Подобное разделение вполне соотносится с интеграционными процессами, происходящими в относительно короткое время. Г. Хофстед также указывает на феномен «обратного» культурного шока, испытываемого человеком по возвращении в привычную культурную среду [там же, 306]. Динамика процесса аккультурации зависит прежде всего от межкультурной коммуникации: понимание традиций и обычаев другой культуры, знание ее истории и языка могут существенно облегчить этот процесс. Факторы, связанные с воспитанием и образованием человека, также играют здесь важную роль, поскольку помогают заслужить уважение и доверие со стороны представителей другой культуры.

Анализ истории цивилизации позволяет сделать вывод, что мультикультурализм приобрел огром-

ное влияние на политическое, социальное и экономическое устройство мира, и это влияние становится особенно заметным в периоды многочисленных перемен в общественной жизни. Вне всяких сомнений, мультикультурализм отвечает требованиям динамично развивающейся социальной действительности. Он затрагивает все сферы человеческой деятельности и появляется на сцене каждый раз, когда происходит встреча двух или более культур, будь то отдельные их представители и малые группы (микроуровень) или большие, разноплановые в культурном отношении группы (средний или макроуровень). Можно предположить, что феномен мультикультурализма будет развиваться и в ближайшем будущем станет непреложным условием нормального функционирования индивида в макроструктуре или так называемой «всемирной деревне» (global village).

Важно рассмотреть, как мультикультурализм влияет на идентичность — как личностную, так и социальную. Для начала определимся, что есть идентичность, чтобы понять соотношение между двумя феноменами. З. Бауман пишет: «Идентичность не дается человеку как дар; ее необходимо выстраивать, для этого существуют (по крайней мере, теоретически) разные способы, и она не может возникнуть никак иначе, кроме как если она выстроена каким-либо из этих способов. Таким образом, идентичность — это задача, которую нужно выполнить, задача, от которой невозможно уйти» [2, с. 8].

Идентичность (в общем смысле этого слова) имманентна каждому индивиду и каждому народу. И хотя как теоретический конструкт она выглядит вполне понятной, возникает огромное количество проблем при попытке точно определить ее границы. Эти проблемы связаны с трудностью разграничения индивидуальных и коллективных черт идентичности, вызванной их диффузией, взаимопроникновением. Данное взаимопроникновение нужно анализировать на двух уровнях. На первом уровне рассматривается понятие социальной идентичности, т. е. качества, которые человеку приписывают другие. Они выступают как признаки, показывающие окружающим, что за человек перед ними и к какой социальной группе (или группам) он принадлежит [7, с. 52]. Если вспомнить, что каждый из нас выполняет сразу несколько социальных ролей, то сложная организация человеческой идентичности станет еще более очевидной. На втором уровне рассматривается индивидуальная, или личностная, идентичность. Она связана с развитием личности, с ощущением человеком уникальности своего бытия и неповторимости своих отношений с окружающим миром [там же]. Согласно П. Штомпке, личностная идентичность относится только к тем чертам человека, которыми обладает лишь он и никто другой [9, с. 181].

Особой формой идентичности является национальная идентичность. Я. Блушковски пишет, что «национальная идентичность определяет жизненные установки народа как независимой социальной группы» [4, с. 200]. Это ощущение человеком

своей принадлежности к определенной нации в противоположность всем остальным группам, к которым он принадлежит: «я как поляк», «я как россиянин». Чувство национальной идентичности проявляется в национальном самоопределении и подчеркивании различий между своим народом и другим [19, с. 89]. З. Бокшански рассматривает этот тип идентичности как составную часть человеческого интереса к трансформации современных наций и этническому многообразию в границах государств — народов [6, с. 101]. Я. Блушковски обращает также внимание на подход У. Липпмана, который понимал под национальной идентичностью «систему или модель стереотипов, отражающую наши ценности, позицию и права в мире» [16, с. 9]. Важно подчеркнуть, что национальная идентичность определяется несколькими факторами, наиболее значимым из которых является, что народ характеризуется «как популяция, населяющая некую историческую территорию, обладающая общей памятью, мифами, единой культурой, общей экономикой, территориальной мобильностью и, наконец, общими правами и обязанностями для всех ее членов» [19, с. 89]. Также имеет значение, что мы ощущаем привязанность к своему народу, солидаризируемся с ним и осознаем миссию, которую нам предстоит выполнить, поскольку каждое поколение играет важную роль в истории мира и является носителем определенных ценностей [там же]. Национальная идентичность влияет на феномен межкультурной коммуникации по-разному. С одной стороны, она может способствовать возникновению барьеров в коммуникации, усиливая этноцентрические установки, этническое разобщение и этническую стратификацию. С другой стороны, она может способствовать развитию у представителей одного народа уважения и толерантного отношения к носителям другой культуры.

В настоящее время наиболее распространены два подхода к трактовке идентичности. Первый, основоположником которого является Э. Эриксон, связывает развитие идентичности с восемью стадиями личностного развития человека. Второй подход, представленный П. Рикёром, фокусируется на чувстве устойчивости, постоянства и непрерывности во времени. П. Рикёр говорит о двух особых типах идентичности: первый тип, *idem* («идентичный», «один и тот же»), — это что-то, что достаточно долгое время остается тем же; второй, *ipse* («self», «самость») — это тождественность личности самой себе [18, с. 50]. Подобный подход фиксирует одновременно и статичность, и подвижность идентичности, которые связаны с ее восприимчивостью как к внутренним стимулам, так и внешним, исходящим из окружающего культурного пространства.

Идентичность следует рассматривать как феномен, возникающий в процессе социализации и связанный с формированием образа культуры, индивидуального и коллективного. Социологический анализ понятия более разноплановый и относится к междисциплинарной сфере: он фокусируется на представлениях людей о самих себе и о том, что для

них является значимым [7, с. 53]. Идентичность нельзя выстроить в изолированной социальной группе, напротив, ее фундамент покоится на взаимодействиях, несущих с собой разнообразный опыт, который затем интегрируется в единую общую систему [18, с. 50]. Мы должны отдавать себе отчет, что идентичность — чрезвычайно сложное по своей природе образование, на формирование которого влияет огромное количество факторов. Х. Малевска-Пейр указывает, что эти факторы затрагивают не только ценности, жизненный опыт человека, его чувства, но и его представления о будущем [17, с. 15–17]. Будущее, если говорить о его взаимосвязи с идентичностью, проистекает из индивидуальных способностей каждого человека и его стремления создать свое «Я», привнести новые, отличные от привычных и укоренившихся черты в облик своей нации, а также из способности взрастить в себе чувствительность к культурным стимулам, проявляющимся в процессе взаимодействия с представителями иных этнических групп.

Национальные стереотипы являются еще одним дополнительным фактором, участвующим в формировании идентичности. Они могут оказывать существенное влияние на культурные контакты и тем самым способствовать возникновению барьеров в коммуникации, особенно в условиях культурной диффузии. Е. Микуловски-Поморски обращает внимание на подход уже упоминавшегося У. Липпмана, который считал, что стереотипы — это всего лишь «схемы, возникающие в наших головах, закрепившиеся образцы, влияющие на наше восприятие окружающего мира и не поддающиеся ни изменению, ни проверке на подлинность» [19, с. 82–83]. Поскольку стереотипы являются неотъемлемой составляющей национальной идентичности, они представляют собой серьезную проблему в ситуации культурной диффузии.

Однако это не единственный феномен, который может иметь негативное влияние на процессы, протекающие в многонациональных социальных группах. Существуют также предубеждения, которые могут воздействовать на межкультурную коммуникацию и взаимодействия в многонациональных структурах. Они способствуют этнической стратификации, проистекающей из социального неравенства определенных этнических групп [29]. Предубеждения сводят образ окружающего мира к упрощенным, схематическим представлениям. Согласно А. Гидденсу, предубеждения определяют установки и отношение членов одной группы к членам другой [7, с. 272]. Они характеризуются чрезвычайно высоким уровнем субъективности в оценке окружающей социальной реальности и чаще всего основаны на слухах и необоснованной информации. Более того, их очень трудно переломить, даже если представить человеку достоверную и объективную информацию о той или иной культуре. Еще одно важное свойство предубеждений — это их непосредственное влияние на стереотипы, касающиеся того или иного аспекта социальной реальности.

Феномен этноцентризма также является негативным фактором. Дж. Х. Тёрнер описывает его

как «склонность человека ощущать превосходство собственной культуры или субкультуры по отношению к культуре других людей и народов» [29, с. 52]. Это означает, что в центр всего человек помещает свою нацию или этническую группу, провоцируя тем самым социальную изоляцию или неприятие. Преподавание в школах предметов, относящихся исключительно к данной стране или народу, или ведение международной политики с позиций главенства собственных национальных интересов — вот примеры этноцентризма. С другой стороны, здоровый этноцентризм возникает из чувства ответственности перед собственной страной и народом и, по сути, есть проявление патриотизма. Этноцентризм — это форма аффирмации по отношению к собственной культуре и одновременное неприятие и маргинализация других культур. Как пишет Г. Хофстед, «этноцентризм группы есть то же самое, что эгоцентризм личности, т. е. восприятие своего собственного маленького мира как центра Вселенной» [11, с. 307].

Согласно П. Штомпке, этноцентрическая установка характеризуется убежденностью человека в особой ценности собственной культуры и ее превосходстве над прочими [28, с. 245]. Этноцентризм также предполагает склонность человека к суждению о других культурах с позиций норм своей собственной культуры, рассматриваемой им в качестве некоего идеала, эталона. Феномен национальной мании величия — крайняя форма этноцентризма. Он основан на убежденности человека в исключительности и неповторимости собственного народа. Я. С. Быстронь [J. S. Bystron] определяет национальную мегаломанию как центральность нации, уверенность в том, что данный народ занимает центральное место в мире и потому имеет больше оснований претендовать на мировое господство [5, с. 13–14].

Вышеприведенный анализ лишь частично освещает негативные факторы, связанные с проблемой мультикультурализма. Феномен этнической дистанции, следствие предубежденности одного народа против другого также нуждается в рассмотрении. Это форма изоляции определенных групп, вызванная их дискриминацией, т. е. отказом в предоставлении им прав, данных другим [19, с. 81]. Степень изоляции измеряется специальной шкалой социальной дистанции, разработанной американским психологом Эмори Богардусом. Еще один отрицательный феномен — культурная некомпетентность: по определению П. Штомпки, это недостаток или отсутствие у человека знаний, навыков и стимулов к использованию новых электронных приспособлений, к освоению новых форм взаимоотношений между людьми, новых способов мышления [28, с. 245]. Культурная некомпетентность является следствием множества факторов, среди которых особого внимания заслуживает невежество по отношению к другим культурам, происходящее или от общего недостатка образования, или от таких явлений, как упоминавшиеся выше этноцентризм, национальный шовинизм и нетерпимость.

Литература

1. *Adamski F.* Tożsamość narodu przez kulturę. Toruń, 2003.
2. *Bauman Z.* Socjologia. Poznań, 1996.
3. *Bernatowicz A.* In: M. Kozień (ed.). Multiculturalism and Migrations Conference, held in Warsaw, Poland, 10 August 2005. Proxenia.
4. *Błuszkowski J.* Stereotypy a tożsamość narodowa. Warszawa, 2005.
5. *Bystron J. S.* Megalomania narodowa. Warszawa, 1995.
6. *Boksański Z.* Tożsamości zbiorowe. Warszawa, 2005.
7. *Giddens A.* Socjologia, Warszawa, 2005.
8. *Goodman N.* Wstęp do socjologii. Poznań, 2001.
9. *Hambden-Turner Ch., Trompenaars F.* Siedem wymiarów kultury. Kraków, 2002.
10. *Herder J. D.* Mysli o filozofii dziejow. In: Kłoskowska A. (ed.). Socjologia kultury, Warszawa, 1983.
11. *Hofstede G.* Kultury i organizacje. Warszawa, 2000.
12. *Jaruga-Nowacka I.* Polityka wielokulturowosci. In: M. Kozień (ed.). Multiculturalism and Migrations Conference, held in Warsaw, Poland, 10 August 2005. Proxenia.
13. *Kalaga W.* Dylematy wielokulturowości. Kraków, 2007.
14. *Kofta M.* Wprowadzenie do psychologii stereotypów i uprzedzeń. Podstawy życia społecznego w Polsce. Warszawa, 1996.
15. *Kozień M.* Wielokulturowość – modele i praktyka społeczna. In: M. Kozień (ed.). Multiculturalism and Migrations Conference held in Warsaw, 10 August 2005. Proxenia.
16. *Lippman W.* Public Opinion. New York, 1946. In: Błuszkowski J. Stereotypy a tożsamość narodowa, Warszawa, 2005.
17. *Malewska-Peyre H.* Ja wśród obcych. In: Boski P., Jarymowicz M., Malewska-Eyre H. (ed.). Tożsamość a odmienność kulturowa, Warszawa, 1992.
18. *Mamzer H.* Tożsamość w podróży. Wielokulturowość a kształtowanie jednostki, Poznań, 2002.
19. *Mikułowski-Pomorski J.* Komunikacja międzykulturowa. Kraków, 2003.
20. *Nijakowski L. M.* Domeny symboliczne. Konflikty narodowe i etniczne w wymiarze symbolicznym. Warszawa, 2006.
21. *Olechnicki K., Zalecki P.* Słownik socjologiczny. Toruń, 1997.
22. *Pacholski M., Słabon A.* Słownik pojęć socjologicznych. Kraków, 1997.
23. *Ratajczyk M.* Pomiędzy kulturami. Szkice z komunikacji międzykulturowej. Wrocław, 2006.
24. *Socha G.* Wielokulturowość, jako wyzwanie współczesności. In: International Forum on Dialogue of Cultures held in Oscypol, 18–23 August 2003.
25. *Szacka B.* Wprowadzenie do socjologii. Warszawa, 2003.
26. *Szachaj A.* E Pluribus Unum? Dylematy wielokulturowości I politycznej poprawności. Krakow, 2004.
27. *Szacki J.* Historia myśli socjologicznej. Warszawa, 2006.
28. *Sztompka P.* Socjologia. Kraków, 2005.
29. *Turner J. H.* Socjologia. Koncepcje i ich zastosowanie. Poznań, 2005.

Clash of cultures and identity. Sociological aspects of multiculturalism in the age of social changes

M. Bodziany

Ph. D. student, Institute of Sociology, Wrocław University, lecturer, Higher Officer School of Ground Forces of Wrocław

The XXI century is described as the century of globalization and multiculturalism. Mass migrations, integration processes occurring in the contemporary world, changes, and transformations of political system make the world a «global village». This situation creates possibilities of getting to know other cultures by the means of diffusion of cultures.

This article touches upon different aspects of multiculturalism theory development and difficulties in interpreting this phenomenon. Multiculturalism is undoubtedly a domain of democracy with its tolerance, at least theoretically, to all diversities. Multiculturalism has become a domain of the modern societies which derive its modernity from the achievements of other cultures. This becomes possible provided that diffusion of cultures takes place. Open borders can additionally favour the occurrence of this phenomenon.

Keywords: multiculturalism, intercultural communication, cultural contact, diffusion of cultures, cultural assimilating, ethnic distance, tolerance, prejudices, stereotypes, national chauvinism, national megalomania, ethnocentrism, and ethnic stratification.